

ISSN 1810-1909

Вестник

ЧУВАШСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 1 2011

Гуманитарные науки

Научный журнал

Основан в марте 1995 г.

Учредитель:

Федеральное государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»

Главный редактор

В.Г. Агаков, кандидат физико-математических наук, профессор

Заместитель главного редактора

В.В. Афанасьев, доктор технических наук, профессор

Члены редакционной коллегии

А.Ю. Егоров, доктор экономических наук, профессор
А. Каппелер, доктор истории, университетский профессор
Г.Е. Корнилов, доктор филологических наук, профессор
Л.П. Кураков, доктор экономических наук, профессор
Е.К. Минеева, доктор исторических наук, доцент
Е.Л. Николаев, доктор медицинских наук, профессор
В.Г. Родионов, доктор филологических наук, профессор
Э.З. Феизов, доктор философских наук, профессор

Ответственный секретарь

Н.И. Завгородняя

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Адрес редакции: 428015, Чебоксары, Московский пр., 15,
тел. (8352) 45-20-96, 58-33-63 (доб. 2030)
e-mail: vestnik@chuvsu.ru
<http://www.chuvsu.ru/university/vestnik.htm>

4. Мылкина А.Ф. Чувашская художественно-философская и художественно-публицистическая проза II половины XX века. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2005. 276 с.
 5. Прокольева Р. Пёлётсем // Таван Атл. 2006. № 12. С. 89-90.
 6. Фёдоров Г.И. Художественный мир чувашской прозы 1950-1990-х годов. Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 1996. 304 с.
 7. Фёдоров Г.И. Илемпё сáнарлăх тымарёсемпе хунавёсем. 2008 сулхи проза // Таван Атл. 2009. № 6. С. 3-10.

СТЕПАНОВА ЛАРИСА АНАТОЛЬЕВНА – методист кабинета медиатеки, Чувашский республиканский институт образования, Россия, Чебоксары (pochink@mail.ru).
 STEPANOVA LARISA ANATOLEVNA – teacher trainer, Chuvash Republican Institute of Education, Russia, Cheboksary.

УДК 821.511.131-1

Л.П. ФЕДОРОВА

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ПОИСКИ УДМУРТСКОЙ ЖЕНСКОЙ ПОЭЗИИ НАЧАЛА XXI ВЕКА

Ключевые слова: удмуртская литература, женская поэзия, современная лирика, поэтика, женская идентичность.

Дан анализ современной удмуртской женской поэзии, выявлен индивидуальный почерк поэтесс, представляющих новую волну в развитии удмуртской лирики.

L.P. FEDOROVA

ARTISTIC AND AESTHETIC SEARCHING OF THE UDMURT FEMININE POETRY AT THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY

Key words: the Udmurt literature, feminine poetry, modern lyrics, poetics, feminine identity.

The article deals with the analysis of modern Udmurt feminine poetry, also individual handwriting of the poetesses representing a new wave in development of the Udmurt lyrics is revealed in the article.

В формировании современной литературной ситуации в России существенная роль принадлежит женскому творчеству. Возникновение феномена женской литературы – одна из ключевых особенностей русской словесности рубежа XX-XXI вв. Эта тенденция в равной степени характерна и для региональных литератур, в том числе для финно-угорских литератур России. В литературной традиции финно-угорских народов женское письмо имеет всего лишь вековую историю, и говорить о непрерывной традиции в развитии женской литературы XX столетия не приходится, периоды, в которых женская «нота» была слышна, сменялась периодами «тишины», развитие шло волнообразно. Начало нового тысячелетия ознаменовано активностью женщин в литературе всех финно-угорских республик. Мы можем назвать в каждой литературе более десяти значимых имен, определяющих сегодня вектор ее развития: коми – Нина Куратова, Александра Мишарина, Галина Бутырева, Елена Габова, Елена Козлова, Нина Обрезкова, Елена Ельцова, Анжелика Елфимова, Любовь Ануфриева, Анастасия Шомысова и др.; марийская – Альбертина Иванова, Валентина Изилиянова, Светлана Эсаулова, Алевтина Мокеева, Татьяна Пчелкина, Зоя Дудина, Надежда Никитина, Зинаида Каткова, Светлана Григорьева; коми-пермяцкая – Анна Истомина, Людмила Гуляева, Нина Исаева (Бадина), Галина Бачева, Любовь Старцева (Косова), Елена Коньшина, Татьяна Павлова, мордовская – Валентина Мишанина, Мария Ерёмкина, Марина Агеева и др.).

В удмуртской литературе рубежа веков женское творчество представлено как прозаическими, так и поэтическими текстами. Последние, однако, преобладают – и в этом сказывается роль традиции, заложенной Ашальчи Оки в начале XX столетия. Эту традицию продолжает развивать четвертое поколение поэтесс – Лидия Нянькина, Ольга Ведрова, Зинаида Рябинина, Надежда Пчеловодова, Люза Бадретдинова, Екатерина Макарова, Лариса Марданова, Лариса Орехова и другие.

Удмуртская женская поэзия начала XXI в. отличается эстетическим разнообразием: в ней переплелись лирические традиции XX столетия и постмодернистские веяния рубежа веков. Новое поколение представлено молодыми женщинами-поэтами, поэтами-филологами, чей поэтический талант формировался в условиях перестроечного времени, резко изменившего социально-психологический климат эпохи и ее культурный контекст. В результате новое поколение удмуртских женщин-поэтов оказалось перед необходимостью самоопределения в быстро меняющемся мире. Поэтому в лирике молодых поэтесс наблюдается стремление к преодолению тех шаблонов, которые выработались традиционной нормативной эстетикой, попытка сломить навязываемую систему ценностей, а также деконструкция имиджа удмуртской советской женщины. Яркое тому подтверждение – сборники Зинаиды Рябининой, Ларисы Ореховой, Ларисы Мардановой, Люзы Бадретдиновой, Надежды Пчеловодовой, опубликованные в Таллинне на четырёх языках (удмуртском, эстонском, русском, английском). Поэтический почерк каждой из названных поэтесс индивидуален и неповторим: интеллектуальный и культурогенный характер поэзии Ларисы Ореховой, психологизм и феминистскость поэтических текстов Зинаиды Рябининой, возвышенность и фольклорность лирики Люзы Бадретдиновой, символичность образов и расщеплённость сознания лирической героини Ларисы Мардановой, гражданственность и «детскость» поэзии Надежды Пчеловодовой. Однако при всем многообразии и неповторимости поэтических голосов, для женской лирики начала XXI в. характерны единые эстетические установки – синтез национальной традиции и традиций русской и зарубежной классики, поиск новых форм выражения женского идентитета на фоне социальных и культурных трансформаций современности.

В своем обзоре остановимся на поэтическом творчестве трёх авторов, представляющих в удмуртской поэзии новую волну.

Первая книга Ларисы Ореховой, «Ярдуртэм нюлэс» («Безбрежный лес»), вышла в 2007 г. Идеальным вдохновителем молодой поэтессы стал известный удмуртский писатель Пётр Захаров, чьи стихотворения и наставления оказали большое влияние на творческое становление Л. Ореховой как поэта.

Стихи Ореховой представляют собой характерный образец тех художественно-эстетических поисков, которыми отмечено развитие российской поэзии рубежа веков. Арво Валтон – эстонский писатель, большой ценитель изысков удмуртской литературы, переводчик стихов поэтессы на эстонский язык, отметил: «Среди молодых поэтов Лариса Орехова является в удмуртской – а может и во всей финно-угорской поэзии – одним из самых последовательных обновителей поэзии, как по её форме, так и по содержанию» [2. С. 93].

При первом знакомстве со сборником Л. Ореховой очевидно, что графическое решение ее стихов существенно отличается от традиционного. Она не боится экспериментировать, отвергает жесткие рамки и условности. Л. Орехова ценит свободу творческого акта, смело играет с функциональными возможностями формы. Нередко строфы в стихотворениях автора не одинаковы по структуре, длине и количеству ритмических частей и слогов. Порой стихи астрофичны. Тексты могут быть расположены по диагонали страницы или рассредоточены по всей странице. Кроме этого, каждый отдельно взятый поэтический отрывок может иметь свой «загадочный» графический рисунок. Отказ от традиционного оформления стиха наблюдается в неиспользовании автором «символьных» заглавных букв в некоторых текстах.

Инаковость формы стихотворений Л. Ореховой прослеживается и на уровне синтаксического оформления поэтических текстов. В стихах встречается как отсутствие, так и обилие самых разнообразных знаков препинания.

Все эти внутривидовые элементы «работают» на создание иллюзии «потока сознания». Кажется, что за каждой незаконченной, недооформленной до конца ассоциацией или мыслью, наслаиваясь, «напливают» всё новые и новые ассоциации. Посредством языковых игр с миром-текстом поэтесса выстраивает гиперреальность, осваивая мир как хаос. Хаос представлен смесью из самых разнообразных кодов культурного контекста «от античной мифологии до хрупких импульсов повседневной жизни» [2. С. 93].

В таком раздробленном, хаотизированном тексте, утратившем целостность, исчезает единый смысловой центр, который заменяется смысловой множественностью. Распад целостной конструкции мира и общества приводит к деградации некогда значимых элементов и фактов бытия, к неожиданной и непредсказуемой смене знаков и сдвигу акцентов.

В поэзии Л. Ореховой христианское тесно переплетено с языческим, греческое соседствует с удмуртским. Автор «нашла оптимальный ракурс художественного изображения их возможного единообразия» [2. С. 36]. Почти все стихотворения Л. Ореховой пронизаны культурными ассоциациями, отсылающими к традициям различных народов: греков, удмуртов, французов и др.

Одной из особенностей идиостиля Л. Ореховой является соединение «возвышенного» и «приземленного». Кроме «возвышенных» пантеистических образов и мотивов, Л. Орехова включает в свою поэзию явно земные, теплокровные образы: сяська, нылаш, синьёс, кочыш, бубыли, яблок (цветок, девочка, глаза, кошка, бабочка, яблоко) и др.

Следует отметить еще одну черту поэтической образности Ореховой. Существенная роль в художественной системе автора отводится цветовому аспекту. Поскольку в поэзии Л. Ореховой преобладают такие символы, как инбам, бубыли, азвесь, дэрем, шунды, тыл, сюсьтыл, эгыр, музьем, уй, нюлэс (небо, бабочка, серебро, платье, солнце, огонь, свеча, уголь, земля, ночь, лес), соответственно, постоянно встречается белый цвет (тёды), часто используется чёрный (сьёд), употребляются красно-синие (лыз-горд) оттенки. В некоторых случаях Л. Орехова использует зелёный (вож). Преобладание белого и частота ярких красок говорит о близости героини к верхнему миру. Лирическая героиня живет между двумя мирами, легко переходит из одного пространства в другое. Свободным перемещением героини из одного измерения в другое и объясняется равноправное употребление противоположных цветов, например, таких оппозиций, как чёрный и белый.

Лирике другой поэтессы, Ларисы Мардановой («Кузялпот сяськаяку» – «Когда цветёт полынь», 2005; «Иыромон» – «Блуждание», 2008), присуще трагическое мироощущение, чувство ненужности, обижённости и безысходности, неприятие современных ценностей и современной морали.

«Мёзмон» (тоска) – ведущее настроение лирики Л. Мардановой. Причем эта тоска – вселенская. Грусть, тоска – постоянное состояние лирической героини. Человек, по мнению поэтессы, от всех и всего может уйти и откатиться, но от себя, от внутреннего «я» (лулылэсь) скрыться невозможно. «Мёзмыны кутскем лулме нош кытчы ватю?» («Но куда же спрячу тоскующую душу?»)¹.

В поэтическом пространстве молодого автора царит холод. Лирическая героиня не чувствует тепла в этом мире и не создаёт его. И природа, и человеческое общезитие, и внутренний мир героини пронизаны холодом: «Озыы пушкам мынам зоре Инбам кезыт шапыкёсын». («Так небо во внутрь меня льет холодными каплями»); «Туннэ толзэь но мон кадь кудзёмын. Ваньмыз солы серем выльысен. Огез гинэ пёртэм: Даурьёслы кезыт инме со думе-

¹ Здесь и далее цитаты даны в переводе авторов поэтических текстов.

мын. («Сегодня и луна пьяна, как я. Всё кажется смешным ей свысока. И разница в одном: Навеки к черному небу она привязана»); «Кезьыт ымдурёсы нёшто даур крезез». («Холодные губы напевают вековую мелодию»). В стихах сквозными являются образы с эпитетом «ледяной» и «холодный»: йё зор, кезьыт тёл, кынмем укно, йё бусы, кезьыт омыр, кынмем дунне, кынмем сюлэм (ледяной дождь, холодный ветер, застывшие окна, ледяное поле, холодный ветер, застывший мир, застывшее сердце).

Лирическое «Я» поэтессы растворено в мире природы и космоса. Марданова работает преимущественно в зоне перетекания вымысла в реальность и наоборот: «Лыз Чынэн сълмисько котырысь омыре» («Синим дымом растворяюсь в окружающем воздухе»).

В стихах преобладает водная стихия, но вода не очищающая, а с солёным ледяным привкусом. Стихи Л. Мардановой есть попытка понять, что значит круговорот в природе и социуме, что есть рождение и что есть смерть, где грань между ними и есть ли она вообще.

Своеобразна её любовная лирика, мир любви для поэта наполнен запахом горечи: «Кузялпот пот кадь ик кузял та яратонэ» («Как полынь, горька моя любовь»). Кстати, в отличие от других удмуртских поэтесс, эта тема не является в ее сборниках ведущей. Основной мотив «любовь-боль», «любовь-страдание» в какой-то степени может и повторяет настроение любовных стихотворений женщин-поэтесс предыдущего поколения, но реакция лирической героини на разлуку с любимым совершенно иная. Героиня сдержанна, хладнокровна, без надрыва и особых эмоций фиксирует уход любимого человека, надеясь на встречу с ним в других мирах: «Тонэ уг возьма мон керзег, – Инсьбрьёсти лобом ни Чош». («Тебя я не буду ждать нервно, – За небесами полетим уж вместе»); «Өвёл, тон кадяд ик кезьыт мон луи – Котыр дуннелзсь вир-лулзэ сюпсисько». («Нет, я холодная стала, как ты – Душу-кровь окружающего мира сосу»). В поэзии Л. Мардановой нет традиционных сердечных страданий, она скорее любит разумом: «Йыромоз йырвиымам вуж яратонэ...» («Заблудится в мозгах старая любовь»).

Следует также отметить новизну, неожиданность тропов и образов, при чтении кажущихся знакомыми, но увиденных и услышанных поэтессой совсем по-новому: «подоконник-лодка», «весь воздух – натянутая через века струна», «старый злой тополь душит луну» и другие. Для удмуртского женского творчества новыми являются зооморфные мотивы её лирики. По частотности выделяются нетрадиционные для удмуртской поэзии образы птиц: кочо, кырныж, чана, быркыт, зольгыри (сорока, ворон, галка, орёл, воробей), которые зачастую являются носителями зла.

Особый интерес в поэзии Л. Мардановой представляет выражение женской субъективности. В её стихах нет целостности личности. При кажущейся самодостаточности и самоуверенности по отношению к «другому» лирическая героиня чувствует себя униженной, выражая свою самооценку через образы-автометафоры: «я – старая тряпка», «я – мёртвый воробей», «я – собака», «я – засохший листок на верхней ветке зелёного клёна», «брошенный котёнок я – ненужный», «я – простая засохшая ветка». В этом жестоком и ненастоящем мире она устала жить под маской, обманывая себя и других, ей хочется «начать жить под своим именем».

Отметим также, что для лирики Мардановой характерны следующие особенности: использование в поэтических текстах таких абстрактных понятий-образов, как улон, кулон, вордйськон, лул, пыдэстэм мур, буш, дыр, вужер, музьем йёл, луд жазег лобон сюрес (жизнь, смерть, рождение, душа, бесконечность, пустота, время, тень, молоко земли, млечный путь); присутст-

вие следующих сквозных мотивов: мотив поиска себя в этом постоянно меняющемся мире; мотив блуждания лирической героини между несколькими мирами; мотив «Я и Космос»; мотив неразделенной любви, мотив жизни и смерти. Причем при раскрытии обозначенных выше тем и мотивов Л. Марданова часто обращается к цветописи.

В сборнике «Йыромон» цветовая палитра состоит из следующих оттенков: чагыр (голубой), лыз (синий), Чуж (жёлтый), вож (зелёный), тӧды/тӧдь (белый), събд (чёрный), лемлет/льӧльмыт (розовый/розоватый); събдо-тӧды (чёрно-белый). Наиболее частотны синий и голубой цвета. Они служат символами некоего постоянного, незыблемого начала и противостоят хаосу окружающего мира, в котором блуждает лирическая героиня. Подобную функцию несёт и зелёный цвет: данный оттенок является средством, символизирующим саму жизнь. Использование насыщенного зелёного цвета (нап-вож) – это обозначение жизнеутверждающего начала, некоей силы, помогающей движению по жизненному пути. Также следует отметить, что данный цвет используется при характеристике экологического благополучия, которое осталось в прошлом. При описании пространства города, чуждого для лирической героини, используется белый цвет, который в данном контексте служит средством выражения отчуждённости субъекта лирического переживания.

Как уже отмечалось выше, одним из мотивов в лирике Ларисы Мардановой является мотив блуждания между несколькими мирами, один из которых – выдуманный, находящийся на далёком расстоянии от субъекта лирического переживания. Для обозначения дальности пространства автор использует розоватый цвет. Таким образом, обобщая, можно сказать, что использование цветовых оттенков является важной чертой поэзии Ларисы Мардановой. Это помогает ей наиболее полно выразить в поэтических текстах своё мировосприятие и мироощущение.

Надежда Пчеловодова (Муш Нади) – поэт и переводчик, в настоящее время докторант Таллиннского университета, автор трех поэтических сборников «Осконаэ мынам» («Моя Вера», 2003), «Эрике мынам» («Мое желание», 2005), «Кут-тэмпыд» («Босиком», 2006) и переводных книг с эстонского на удмуртский язык. В отличие от других молодых поэтесс её лирика наполнена позитивным отношением к жизни. Погруженность во внутренний мир не мешает ей жить проблемами малой родины, города и села. Её волнует прошлое и настоящее страны. Патриотические чувства, свойственные поэтессе, заставляют ее по-новому осмысливать и оценивать события современной ей действительности. Тревожная неудовлетворенность настоящим, мечта о сильном государстве, защищающем интересы своих граждан, жажда гармоничного человеческого бытия – все это сливается в бурный поток её лирики: («Уд кельшиськы мыным» («Не нравишься мне»), «24.02.2005», «Берт» («Возвращайся»). Стихотворения Муш Нади пронизаны любовью за свою малую родину, согреты любовью к ней и своему народу.

Лирическое «я» поэтессы характеризуется цельностью. Героине не свойственна расщепленность сознания, как другим ее современницам, хотя она осознает, что привычный уклад жизни давно канул в Лету: «Тулыс, гужем, сйзьыл но тол – со инкуазь рад. Нуны сюан, сюан, кисьтон – со улон рад. Ачим гинэ та радъёсын радтэм маке» («Весна, лето, осень и зима – это ход (порядок) природы. Крестины, свадьба, поминки – это ход жизни. / Лишь я сама в этих рядах беспорядок»).

В поэзии Н. Пчеловодовой особое место занимают размышления о мужественности и женственности, о роли женщины и мужчины в современном мире в разных культурах и традициях. Ранее в удмуртской женской лирике

сквозной была мечта о сильном мужчине, возлюбленном. В стихах Н. Пчеловодовой это переносится и на общественную жизнь, на уровень государственности: «Я тоже хочу жить в свободной стране удмуртских мужчин».

В любовной лирике поэтессы центральное место занимает образ возлюбленного. Чувство ревности не затмевает чувство благодарности, счастья. Он для неё не только любимый мужчина, но и наставник, мудрый учитель, свободный человек. Героиня довольствуется каждой встречей. Ухаживание за любимым доставляет ей наслаждение и радость. Она детально фиксирует каждый жест, каждое движение любовных отношений. Готовность служить любимому – характерный мотив удмуртской женской лирики – ранее традиционно выражался в сослагательном наклонении, а в стихах Н. Пчеловодовой все происходит сейчас и здесь. Её лирическая героиня – муза, вдохновительница на большие дела: «Веттасько вӧттэ шокаменым. Чуказелы нонтӧсько малпантӧсьсэ. Яратӧсько тонэ. Яратӧсько». («Качаю твой сон своим дыханием. Завтрашние мысли твои грудью кормлю. Люблю тебя. Люблю»).

Излюбленный поэтический приём в творчестве Муш Нади – нанизывание слов-образов, метафор, часто выраженных одной и той же частью речи. Это создает в одних случаях ощущение бесконечности, в других – напряженности, в третьих – восторга и умиления. Для этих стихотворений характерно намеренное разрушение традиционных формальных и синтаксических структур, отказ от традиционного оформления стиха, что проявляется в отсутствии заглавных букв и знаков препинания. Муш Нади часто создаёт астрофичные стихи, пишет верлибром, использует короткие, состоящие из одного-двух слов строки, «лестницу». Осознанные и целенаправленные художественные поиски Н. Пчеловодовой придают поэзии свежесть, позволяют представить жизненные ситуации в необычном ракурсе.

Таким образом, подведем некоторые итоги. «Потребностью в одиночестве» (А. Арзамазов) окрашена поэзия Л. Ореховой и Л. Мардановой. Их героини, порывая с жизненной реальностью и углубляясь в самопознание, пребывают в мистическом многокультурном мире, сочетающем религиозно-мифологическое представление разных этносов (культур). «Книга Л. Ореховой разрушает «традиционное» представление о феномене удмуртской женской поэзии» [1. С. 37]. В стихах Муш Нади образ женской судьбы представлен как образец беззаветного служения своему мужчине. Суммируя наблюдения над поисками поэзии молодых, следует заметить, что удмуртская женская лирика демонстрирует многообразие и неоднородность, связанную с эстетической и этической свободой современного художника.

Литература

1. Арзамазов А.А. Безбрежный мир Ларисы Ореховой // Вордскем хыл. 2008. № 4. С. 36-37.
2. Валтон А. Послесловие // Орехова Л. Ярдуртэм нӧлэс (Безбрежный лес). Таллинн: Kirjastuskeskus, 2007. С. 92-93.

ФЕДОРОВА ЛЮБОВЬ ПЕТРОВНА – кандидат педагогических наук, декан факультета удмуртской филологии, Удмуртский государственный университет, Россия, Ижевск (liubov.fedorova@gmail.com).

FEDOROVA LYUBOV PETROVNA – candidate of pedagogical sciences, Udmurt Philology Department Dean, Udmurt State University, Russia, Izhevsk.
